

* * *

Здесь травы в рост почти до окоёма,
с гнездом голубки у просёлка крест...
А всей деревни – два линиялых дома,
что спорят с обезлюдьем этих мест.
Здесь году счёт – с Николы до Николы,
поскольку он – «ближайший до Христа».
И мужика «обличием с иконы»
легко, к примеру, встретить у моста.
Здесь на столе – на удивленье просто:
парное, хлеб да бахчевая снедь.
Здесь праздники справляют на погосте...
А с кем ещё «от счастья пореветь»?

* * *

Отцовский патефон
да стопка грампластинок.
Да лучик золотой
сквозь тюли на крылечко.
И не горчит душа
погорклою рябиной,
затеплилась опять
пасхальной яркой свечкой.
Навеки позабыть
о снах своих кромешных.

Ложиться и вставать
под запахи шалфея.
Не вспоминать, что мир
уже не станет прежним,
что не скучать о нём
пока что не умею.
Смотреть, как день летит
за дали от порога,
по комнатам ходить
босой, простоволосой.
Неспешно толковать
пред образами с Богом
и райских птиц кормить
с ладони спелым просом.

* * *

Косынки ситчик, сладкий дух
кипящих пчёлами акаций.
Тропе, спелёнутой в лопух,
нет сил от зноя просыпаться.
В версте от хуторских дворов,
на омутке у водопоя,
дождь тучных проливных коров
в подолы поймы звонко доит.
Лишь только от работы взмок,
айда в покосы куролесить...

Косынка в меленький цветок,
что луговин бескрайних пестрядь.
О, щедрый на дары июнь!
О, росные твои сафьяны
из бело-серебристых лун,
из мяты, сныти и тимьяна!
Благословенен твой полёт,
твои поля в хлебах молочных,
и первый с разнотравья мёд,
и огурец, хрустящий, сочный,
парной реки аквамарин,
шипя, в который солнце никнет.
и крест – дубовый исполин,
что по колено в повилিকে.

* * *

Золотые кубышки,
мотыльки на песке.
Переспелую вишней
тонет солнце в Оке.
Камыши, да рогозы,
да ещё краснотал.
И сомище бесхозный –
с мокрым брюхом причал.
Перезвон колокольный
колыхнул небосвод –
храм к вечеру окольный
созывает народ.
Купола на быстрине
так небесно-легки.
Их в прорухе, иные,
помнит сердце реки.
До Покрова – три срока.
Пышноцветный июнь.
И в анисах высоких
белолетняя лунь.
Дышит пойма покосом,
где-то в нём коростель
на скрипучие росы
расстиляет постель.

* * *

Вечер ложится подшалком на плечи,
лентой закат зашелковился аленькой.
Только затеплю Заступнице свечку,
вспомнится голос Григорьевны старенькой.
В зимнюю ль вьюгу на жарких полатах,
в Троицын день ли в анисах на лавочке
вдруг позабудет, бывало, ухваты,
вдумчиво речь поведёт «о заглавнейшем».
Мол, присмотрись-ка, внучонка, пошибче:

Спас, он повсюду: и в небе, и в зёрнышке...
в хате... – а как же? – живёт на божничке,
под рушниками, что в Красном уголушке.
Люду простому всевидящим взглядом
жизнь и судьбу окормляет, сердешный.
Чтобы дела на подворье шли ладом,
хлёвы осветит, хлеба на столешне.
Не позабудет кормилицу-печку,
в донниках старые дедовы борти,
даже гусей, гомонящих на речке,
даже букашек в цветущем осоте...
Дробно покрестит, бывало, рукою,
с Богом бабуля и полет, и косит, –
в хлопотах днями не знает покоя.
Ночью, как лягут в свекольниках росы,
вновь с Ним толкует, о внучиках просит.

* * *

Мулине цветастой ниткой
где крестом,
где дивной гладью
без рисунка,
по наитью,
вышивает палисады
яркими лучами света
на холстах июльских
Лето.
Но Илья прокатит громы –
вспыхнет август,
словно свечка,
мальвы выгорят у дома...
Лишь душе сиять извечно!
Только ей
дано запомнить
всю сакральность этих линий,
этих форм
и этих красок,
чтоб в морозной зимней стыни
в днях простуженных,
ненастных
смаковать по тем приметам
под чаёк с вареньем
Лето.

* * *

Денёчек до донышка выпит,
анисов, почти невесом.
Цветущею дышится липой,
и мятою, и чабрецом.
Околица и белостволье,
луга и селенья окрест

притихли, и лишь с колокольни
кропит золотой благовест.
Да где-то в просвириках томных
закатным лучом, как смычком,
пиликают неугомонно
кузнечик с весёлым сверчком.

ЛЕТО

Сквозь тюли капало, текло
веснушка за веснушкой,
им, золотым, подсчёт вело
наперебой с кукушкой.
До голыша разнагишась,
ронялось с плёхом в плёсы,
стирало дней цветастых бязь
под вечер в рясных росах.
И на крылечко наугад,
на манкий свет светила,
лишь угли дожуёт закат,
к нам бражницей спешило.
И птицей Сирином в окно
вещало сны подлуньи.
И драгоценное вино
варило из петуний.

* * *

Вот и в дубравах
волхвует марьянник,
маковка лета
упёрлась в зенит.
И на задворках,
где старый омшаник,
снять до небес
белым варом кипит.
Дождик слепой
прибежал и на ощупь
пересчитал
на бахче огурцы,
хлопнул калиткой,
присвистнул и в рощу
вывел на волю
коня под уздцы.
Сколько в лугах
нынче спелого света!
Время идёт
посолонь, а не вспять.
Скоро под горку
покатится лето,
и не стреножить его,
не взнуздать.

* * *

Свежей травки на телегу –
лето ягодкою манит.
Нокнем, свистнем, коник пегий
потрусит по ранней рани.
Бор нахохлится, но впустит:
«Чай, давненько не пугались?!»
И костями валежник хрустнет,
буча ёкнет потрохами.
А потом ка-ак жамкнет юшкой
меж корней болотных сосен!
«Слу-шай чу-тко, чу-тко слу-шай!» –
с дрожью шепчутся колёса.
...Хоть и думки заполошны:
«Чудится?.. Иль воют волки?..»
По одной, а где пригоршней
намалинили кошёлки.
Вечер травы клонит долу,
дерева темнее стали.
Под завяз полны подолы –
белых тоже «наломали»!
По сапфировой эмали
ночь сусалит густо звёзды.
«Так-так-так-так, за-дре-ма-ли», –
шепчут конику колёса.

* * *

Долиной бреду
вдоль цветущей полыни,
потом
вдоль хлебов переспелых.
На взгорье
в небесной своей палестине
колышутся в мареве,
синем-пресинем,
три купола церковки белой.
Сорву колосок,
разотру меж ладоней
и зёрна очищу от плевел.
Жую и смотрю:
на берёзовом склоне –
почудилось даже, что слышу, –
как кони,
зажмурившись,
хрумкают клевер.
Почую, душа встрепенулась
и шепчет:
«Смотри!
Насмотришь и запомни,
как плавно парит
над равниною кречет,

как весело плещутся дети на речке,
какой нынче звон
не-ве-со-мый.
Залитому солнцем
цветастому лету
в диковинку осени-зимы,
но время устанет,
ведь всё в мире тленно,
Не тленна лишь память,
что полнится светом,
с которым под силу
и крест непосильный».

* * *

Маковка лета, а дождик верёвкой
мир исхлестал вкривь и вкось, окаянный.
Сад, скрежеща, измолол в кофемолке.
Только и радости, что на веранде
полымем жарким пылают герани.
Только одна лишь осталась отрада –
чай заварить на кипрее-душице...
Дождь, видно, вызнал про наши разлады...
Кажется, ломтик ещё мармелада
где-то белёвского в доме хранится.
В плед, что достался в наследство от мамы, –
помнишь? – как в руки твои, закопаться...
Знаешь, а дождь – не такая уж драма.
Может, он мне нынче друг... самый, самый.
Друг настоящий, не ждущий оаций.

* * *

Как светлица, душа под завяз переполнена светом
заревых, босоногих, в белёных рубахах берёз.
Так ей хочется, всласть надышавшейся волей и летом,
показать и тебе этот вышитый шёлковой гладью покос.
Провести подсинённым, как тюли, шалфейным просёлком,
помолчать средь травы, расстрекоченной вдрызг, донельзя.
И руками всплеснуть: в жаворонковом небе высоком, –
ну, смотри же скорей! – Матерь Божья над Русью идёт на сносях.
За пропахшим укропом и чем ещё Бог только знает,
с земляничной спелой и сеном в пшеничных кудрях,
за улыбчивым ветром отправиться вслед, как по раю,
напролом в купырях и анисах, просветы и стёжки торя.
Будет солнце ронять на ходу золочёные спицы,
будут ласточки, вечер почуяв, всё ниже кружить,
запорошатся звёздным пшеном поднебесные ситцы,
и слетятся жуки-светляки ворожить в придорожную сныть.
И зацвиркают песню извечную струи в подойник,
полной грудью вздохнёт, освежившись росой, земля,
и наденет на косу река свой туманный повойник,
и прольют лунный свет серебром на дома и двory тополя.